

РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА

Нужно придумать, куда поставить детскую кроватку, сказала беременная дочь. Больше они ничего не сказали, а смотрели в окно, где желтые листья медленно падали, будто не решаясь назвать осень по имени.

Говорилось это, он знал, именно ему: ведь это его библиотека занимает большую часть квартиры: уже завешаны все стены, сложены стопки на столах, на табуретках, ящики под кроватями..

Каждую книгу он знал лично: где купил, как читал, какая тогда была погода, да, не смейтесь, отлично читался, к примеру, Шарль Нодье в грозу, вписываясь между молний таким буревестником, а вот «Победа над солнцем» хотела хорошей погоды, иначе в чем же ценность победы? — если все мироздание с тобой заодно... Нет, извините, победа должна быть личной.

Его взгляд бродил по стенам, находя то один, то другой корешок, узнавая... Вот Баскер точно сказал бы, что это проблема дочери и зятя — пусть покупают себе квартиру. Но он любил дочь и понимал, что денег у нее не будет никогда, во всяком случае на квартиру, такой он ее воспитал...

Итак, нужно избавиться, по крайней мере, от двух кубометров книг... Пока... Продать, подарить библиотекам, раздать друзьям... Книгам будет не хуже, они не будут скучать и скулить, как на их месте скулил бы пес, они даже будут прочитаны лишней раз или даже десять... Их кто-то полюбит. Но он почему-то видел их в мешках и обязательно под дождем, брошенных, преданных, забытых...

Дочь ушла по делам, и дома никого не было. Он подходил к полкам, всматривался в лица книг и повторял, как заклинание: у меня должен родиться внук! Книги молчали. Потом он подумал, что если бы не стало его, и книги были бы не нужны, большая часть.

Он хорошо знал, что сказала бы жена, если бы была жива: перестань ныть! С барахлом нужно расставаться легко: с собой все равно ничего не возьмешь. Но он не мог называть книги барахлом. Он знал, что и жена произносит это слово специально, так сказать, для эмоционального воздействия: вот, мол, живой человек, а вот гора макулатуры.

Он отправился на кухню сварить себе кофе, читать с чашечкой кофе было лучше всего. Решение он только что принял — избавить себя от выбора, кому из книг остаться, кому уйти. Он будет брать наугад, с закрытыми глазами — с каждой полки по одной. Прочитает страничку напоследок, попрощается... Ему даже захотелось для полноты ощущений делать это под музыку... Кто подойдет? Гайдн, Лист? Важно, чтобы без слов, чтобы не отвлекало от текста.

Елена Станиславовна Новикова — прозаик. Окончила ЛПИ им. Калинина (теперь СПбГТУ) по специальности «прикладная математика», работает в рекламном агентстве. Публиковалась в журналах «Нева», «Звезда», «Урал», «Новый берег», «Полдень XXI век» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

А потом пришла дочь и сказала, что арендовала теплый чулан в соседнем доме и туда можно временно поселить часть вещей и ходить к ним в гости, а там посмотрим. Она так и сказала — «поселить», будто бы речь шла о живых существах. Если позвать писателя с улицы, он обязательно бы устроил здесь какой-нибудь инсульт, и дочь нашла бы отца на полу, а рядом лежала бы раскрывшаяся при падении книжка — вот на этой странице, а на странице было то-то и то-то — например, привычный апокалипсис. Но жизнь чуточку умнее...

МУЗЫ

Главной его бедой (а может, как раз удачей) было то, что со всеми своими музами он вступал в человеческие отношения. Музы матерели, старели, плакали и смеялись, у них выпадали зубы и волосы, они выходили замуж и рожали, ели шашлык измазанным помадой ртом, эмигрировали и возвращались, они звонили и жаловались (только ты меня можешь понять!), они просили в долг и просто просили, им нужна была новая зубная щетка в больницу, ласты в отпуск, лекарства хеомоциин и ношпа, и он, восхищенный ими когда-то почти до обморока, настоящий рыцарь в доспехах из серебра с лунным камнем, должен был мчаться на белом коне, на стареньком, выдавшем виды «опеле» куда-то к черту на кулички.

И черт его ждал, скажем, в уютном кафе в итальянском стиле и за чашечкой чая, рюмочкой коньяка или просто бокалом красного вина, спрашивал: сколько стихотворений посвящено этой, а той, а вот этой? А какие? И таки да, стихи оставались, работа шла, музы свое дело знали... Только он иногда путался, что кому посвящено, и, изменив пару слов, а то и в прежнем виде, не стесняясь, посвящал стихотворение другой.

А та, что без зубов, вставила новую челюсть и явилась прямо из Европы в гости, прихватив пирожное «Муравейник». Он ковырялся вилкой в пирожном, и был ей рад, и ждал, когда она уйдет, тогда он сядет и напишет, что любовь укутана старым шерстяным одеялом и луна особенно круглая в эти дни, когда подкрадывается на костлявых ногах тень смерти, но ты еще удерживаешь любовь за руку, и пока эта рука теплая, ты жив. Или что-то в этом духе. А завтра воспоминание о ней он аккуратно, как любимые носки после стирки, положит в специально отведенный ящик — до следующего раза.

Иногда они умирали. Переживал он это остро и продуктивно. Погибшая муза могла подарить на прощание целую поэму, слезы застывали, как кусочки алмазов, которые он, только он, мог превратить в настоящий бриллиант.

Но жизнь продолжалась, и тогда он на своем хромом ослике, стареньком «опеле», который что-то барахлить начал совсем по-взрослому, въезжал в очередной город на главную площадь и спрашивал: вы меня ждали? Выходили люди в белых одеждах, волосатые парни в рваных джинсах и с гитарами, открывали томики стихов, его стихов, и начинали петь. Тогда он удовлетворенно кивал головой, мол, все правильно, можно ехать дальше, а рядом с осликом шагала стройная выносливая муза, ее длинные ресницы скрывали смущенный вниманием толпы взгляд, и, сидя на правом сиденье старенького «опеля», она смотрела, как лес по краям дороги становился все зеленее и зеленее.

ДОМИК У МОРЯ

Город Ч. расположился на перекрестке двух больших дорог, где первая вела к церквам с куполами и вторая — к церквам с куполами. Вторые отли-

чались от первых, как отличается синичка от воробья, как ни крути — родственники. Если проедешь много городов подряд, постоишь на одном пригорке, помотришь окрест — лепота, равнина, зелень кругом и белые лилии церковей в синем небе, а потом на другом — и снова белая церковь цветет, и яблоки уже поспевают в окрестных садах, и речка вьется, словно пританцовывая. Голова закружится, будто поместили ее в калейдоскоп с воробьями и синицами, крылья-клювы-крылья-клювы-купола-чирик-чик-фью...

Вот на таком перекрестке стоял город Ч., задумчиво, словно выбирая, по какой дороге пойти. Трубы радостно пускали цветные дымы. Да, в городе Ч. было несколько заводов, безработицы, похоже, не было вовсе, и никто без дела не шатался по улицам, кроме разноцветных котов. По вечерам сидели в кафе, и здесь, как и в нарядных столицах, народу являлась пицца, или суши, или устрицы с бланманже, чего уж там.

Два старинных здания из красного кирпича означали филармонию и театр, культурную жизнь с ароматом истории. Но к этому аромату порой примешивался и легкий запах дыма, это зависело от того, откуда ветер — с заводского ли квартала? Здесь, в историческом центре, гуляла свадьба. В костюмы жениха и невесты нарядили и девочку с мальчиком лет восьми — пышное белое платье, туфельки на каблучках, строгий костюм. Лица их светились счастьем сильнее, чем у жениха с невестой. У девочки в руках воздушные шары, в нужный момент по команде она их выпустит.

Больше ничего, за что мог бы зацепиться взгляд праздного туриста, здесь не было. Все и объезжали город Ч. стороной — или к одним куполам, или к другим. Еще и нос воротили, поглядев на трубы. А свадьбе оставался один путь — вниз к речке, и там, у старого речного вокзала, у памятника двум преподобным основателям города, запустить в небо фейерверк и выпить шампанского. Пустые бутылки укладывали обратно в ящики и оставляли здесь же, целый забор уж вырос. Суббота...

Вот в этом городе и решили провести социологический опрос — о чем же люди мечтают. Вариантов ответа было восемь: уехать в большой город, завести семью, заработать много денег, выиграть в лотерею, купить автомобиль, посмотреть мир, выучить иностранные языки, написать или издать книгу — и правда, чего такого оригинального могут придумать социологи? Но они оставили вариант «другое», и люди могли отвечать, что хотели. И вот тут-то выяснилось: половина участвовавших в опросе горожан сообщила, что мечтает о домике у моря. Это превзошло все ответы с подсказками и даже свободный вариант — «завести собаку».

Про домик у моря сказали парни с татуировкой из соседней шашлычной и пожилая дама с финскими палками, спускающаяся к реке. И девочка с шарами, и молодая мамаша с коляской, и подростки на роликах. Все хотели синих волн, разбивающихся о берег (песок и скалы по вкусу), солнца, в течение дня меняющего свой цвет от белого до фиолетового и красного, ракушек на берегу и прямо здесь, в двух шагах, на тенистой террасе — чашку горячего чая или бокал холодного вина. А потом волшебных снов под шум прибоя, в которых почему-то все снится и снится как будто знакомый город в цветных дымах, и там, во снах, они все спрашивают: что это за город? почему мы там были счастливы? куда он исчез?

НИНА

Говорили: у нее был фронтовой муж, снабженец. Любил ее, как облака любят друг друга в полете, перемешиваясь и истаявая, будто и не существовало их. Победа принесла расставание, так она решила и вернулась к еще довоенному

мужу, будто из булочной, поправив пилотку в отражении в луже и убедившись — все облака слились в одно серое небо.

Жила хорошо, работала врачом на «скорой», а муж становился мрачен в пасмурную погоду и воспитывал детей, будто они солдаты. Так жили все, кто выжил вдвоем в этой войне, иным было еще тяжелее, кто один и чьи глаза упираются в пустую стену.

В ночную смену подошли к ней сзади и ударили в затылок. Лежала в апрельской прохладе на мостовой, пока не нашел водитель, на той же «скорой» и увез. Что-то сдвинулось в голове, то казалось — стреляют, то белые овцы проходили сквозь стены и требовали хлеба, а откуда? Тут-то и поняли, почему вернулась к мужу — умел выводить из темноты, разгоняя овец, устраивая к лучшим врачам.

И стало так, будто нет ветра. Ноги идут, если их уговаривать, и руки такие медленные, что носок можно вязать полгода. Такую ее и привезли к нам весенним утром, и бабушка — ее сестра — гуляла по паркам, присматривая за ней и за нами.

Нина была любопытна, задавала свои медленные вопросы, а ведь кто нас особенно слушал? И я рассказала тайное: если забраться на плот, вон тот, затонувший под мостиком, видишь? — то можно уплыть в другую страну, где я, конечно, королева. Там много цветов, все ходят в пышных юбках, в гольфах с помпошками и лакированных туфлях, и у каждого есть лошадь и собака.

Нина слушала внимательно, а потом сказала — да, я хочу туда. И пошла. Она шла уверенно, словно хорошо знала дорогу, а я стояла на берегу и напряженно соображала, идти следом или нет?

Бабушка прибежала, когда Нина была по колено в воде. Отпаивали горячим чаем и уложили спать.

Нина спала здоровым безмятежным сном, и там, во сне, примеряла лакированные туфли, те самые, вишневого цвета, которые мне не купили, потому что в магазине нашлись дешевле. Нине они оказались в самый раз.

ПРОГУЛКА

Мне не нужны симпатичные люди, по крайней мере, сейчас. Так он сказал и добавил: мне нужны люди, которые царапают мне мозги, и потом мне снятся цветные сны, распускаются в них азалии и магнолии.

Тоже мне, лингвист! Это сказала она. Если «царапают», то какие уж розалии и монголии? Речь может идти только о кактусах, цветущих пустынных кактусах! А какие ты любишь больше — круглые или такие, знаешь, продолговатые? Или с плоскими ладошками? Они будто карабкаются в небо!

Этот разговор состоялся в восемнадцать часов тридцать две минуты в трамвае, ехавшем с Васильевского острова в сторону других, не менее прекрасных островов. На ней был белый плащ, еще немного не по сезону, зато новый. Он был в кепке с длинным козырьком, теперь их называют бейсболками, хотя никто не знает, что такое бейсбол. Они ехали расставаться. Иногда на это нужно очень много времени, а также куча лишних слов и острой грусти, спрятанной за иронией или не спрятанной, а, наоборот, выставленной напоказ, как ценный музейный экспонат.

Музейные экспонаты он ценил всегда, считая, что в музеи ходят главным образом фетишисты, и причислял себя к ним. И правда, разве нельзя посмотреть альбом или в Интернет залезть? Нет, этим людям необходимо глотать музейную пыль, тайно дотрагиваться рукой до статуи или до чего там можно дотянуться, ожидая — завопит или нет сигнализация?

Он и в кармане таскал артефакт — зажигалку, которую знаменитый N привез из Америки и раздавал в качестве сувениров. Эта зажигалка всегда лежала в правом кармане, а в левом — другая, какую можно купить в любом киоске. Сам он пользовался, понятно, «левой», а «правую» доставал в особых случаях, давая кому-то закурить, и обязательно — невзначай — упоминал, что вот, мол, ему N подарил...

Впрочем, какие это пустяки, зажигалки, бейсболки, — когда вечер спускается на мир, пусть вполне светлый уже, но всем понятно, что вечер и день уже окончен, и если ты не успел запастись надеждой и сухарями, то так и пойдешь то ли один, то ли вдвоем по торжественным улицам прощания.

Тогда они, конечно, об этом не знали, ведь те, с кем что-то случается, узнают об этом последними. И ее рука, протянувшая подбежавшей белке заранее приготовленный орех, на самом деле была протянута навстречу счастью. И белка, как и положено счастью, схватив орех, умчалась ввысь, оставляя хвостом в воздухе какие-то надписи. Ведь жизнь, по сути дела, просто квест, главное — вовремя прочитать поданные тебе знаки и пойти по правильному пути.

Как будто правильным может быть только один путь! Это возмущенно подумала она. Ей хотелось прожить варианты, и тот, и этот, наверняка ведь фантасты уже придумали миры, где это возможно... Она посмотрела, как он прицеливается фотоаппаратом, чтобы поймать в объектив белку, и подумала: что она делает здесь с этим совершенно чужим человеком? И еще подумала, что если она сейчас тихо-тихо уйдет, то он, возможно, этого даже не заметит.

ФЛИГЕЛЬ

О, этот бросающийся в глаза памятник архитектуры...

Из туристической брошюры

Призраки собирались по четвергам. Должны были совпасть несколько мало связанных, но важных обстоятельств: когда луна видна хотя бы час в течение ночи, в округе радиусом километр не воет ни одна собака, и хотя бы один человек в эту ночь идет пешком со стороны старой железнодорожной станции в сторону курорта. Всякий, кто хоть отдаленно знаком с теорией вероятности, может подтвердить, что совпадение всех этих обстоятельств, тем более в четверг, — событие чрезвычайно редкое. Впрочем, сами четверги обычно случаются каждую неделю.

Для своих встреч призраки выбрали флигель заброшенного и уже наполовину сгоревшего деревянного дома (или это дом выбрал себя местом их встречи). Круглая резная башня, давно без стекол, в эту ночь преображалась. Горели тусклым, словно лунным, светом специальные лампы (свечи давно запретила служба безопасности), круглый стол, покрытый изрядно потрепанной зеленой плюшевой скатертью, приглашал занять одно из скрипучих кресел вокруг себя. На столе аккуратно лежали карты, несколько колод.

Все было готово к приему гостей. Первым прибыл, как обычно, Модест Никанорович, фармацевт с Васильевского острова, призрак интеллигентной наружности с небольшой седой бородкой. Он умер в 1904 году, и в той реальности, где он вынужден теперь пребывать, не случалось ни революций, ни Гражданской, ни Второй мировой... Коммунистами и террористами он считал в основном французов, и не дай бог эта зараза перекинется всерьез на Российскую империю... А ведь прецеденты уже были...

Потерев руки, Модест Никанорович выглянул в окно: у французской кондитерской (везде эти французы, куда ни плюнь) еще стоял последний извозчик, хотя

вечерний поезд из Санкт-Петербурга прибыл час назад. Кого он ждал? Лошади скучали, а Модест Никанорович когда-то привычным жестом попытался достать из кармана часы, но часов не было...

Второй прибыла Альбина, она умерла от чахотки в 1912 году в возрасте двадцати лет и тоже много чего в жизни не видела. Бледный лоб и словно нарисованный на щеках румянец был не типичен для призрака, но, видимо, прилип к Альбине прочно. Она часто бывала на курорте в надежде на ингаляции и другие волшебные процедуры, прохаживалась по эспланаде под розовым зонтиком в компании своей горничной Хильды. Но, честное слово, лучше бы ей было уехать в Европу, в горы, да хоть в Карловы Вары на худой конец, и пожить годик-другой. Там бы ее и застала Первая мировая, но, как знать, может, пережила бы она и ее, и революцию... Модест Никанорович галантно поклонился, Альбина протянула руку в кремовой перчатке для поцелуя и тихо присела в кресло.

Степан появился громко, прямо в униформе. Работник когда-то Николаевской, а теперь Октябрьской железной дороги, он погиб прямо на службе. В тот день поезд добирался четыре часа, останавливаясь и замирая. Раздраженные дачники множились с каждым часом, их коробки, шляпки и моськи заполнили пространство так, что стало совсем мало воздуха. Самые юные и выносливые уходили по шпалам. Толпа напирала, а Степан отступал, оправдываясь, что топливо, мол, не то, и вот он споткнулся и упал, ударившись головой то ли о рельс, то ли о какой-то угол. Крови не было. Толпа отхлынула, а он остался лежать в 1918 году, в ясный солнечный день, и сосны качались над головой.

Он готов был сражаться с толпой, уж теперь бы он смог ее остановить, точно смог бы... Но толпы не было, и он, словно аккуратно поворачивающий рядом с эспланадой поезд, затормозил при виде Модеста Никаноровича и Альбины, чтобы случайно на них не наехать.

Четвертым был рядовой Петров, мужичок средних лет в гимнастерке и почему-то американских ботинках. Он воевал на Сестрорецком рубеже летом 1942 года, финны стояли с другой стороны реки, и время от времени кто-нибудь постреливал.

В 1942 году таких ботинок в обмундировании не было точно, и это заставляет подозревать, что и в небытии, откуда прибыл рядовой Петров, какие-то грехи, обычно свойственные живым, продолжали присутствовать.

Умер он, впрочем, не от снаряда, а от заурядной кишечной колики, или — как правильно говорят врачи — кишечной непроходимости. Его буквально взрывало изнутри, и в этом не были виноваты ни финны, ни немцы, ни Сталин. Так бывает, что никто не виноват, а что делать, тоже не понятно, так как до ближайшего рентгеновского аппарата далеко, а смерть близко, вон она выглядывает из-за ствола.

Как появился Константин Ильич, не заметил никто. Он был, как говорят, «из тех, кто...», обозначая тем самым не столько отсутствие индивидуальности, она не отменялась, сколько всепобеждающую типичность, в данном случае профессиональную. Так вот типичными чертами этой профессии были незаметность, вежливость, внимательность, спокойствие. В других обстоятельствах это спокойствие могло разорваться в крик, но это в других обстоятельствах, а теперь Константин Ильич каждому подал руку, заглянул в глаза и сосредоточился, чтобы максимально точно запомнить, о чем и как высказывался каждый из присутствующих. Заметим, что представители этой профессии тоже умирают, причем в любые времена и, случается, совсем не своей смертью.

Теперь, когда все были в сборе, можно было начинать. Немного подождали, не появится ли кто-нибудь новенький, но никто, привязанный к этому месту, похоже, на встречу не рвался.

Пока ждали, каждый хотя бы по разу выглянул из флигеля. Кто видел французскую кондитерскую, кто рельсы и шпалы, кто свежий окоп. Альбина увидела Хильду, спешащую в сторону моря, и пожалела, что та не уложила ей сегодня как следует волосы. Альбина машинально поискала на стене зеркало, но в зеркале ничего не отражалось.

«Ну-с!» — сказал Модест Никанорович и перемешал колоду. Мало кто знал, что исход именно этой партии, какой бы нелепой и неправдоподобной она ни казалась непосвященным, определит ход истории на несколько десятилетий вперед.

НЕПРИЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

О нем говорили «неприятный человек», и сразу вспоминалось «дама, приятная во всех отношениях». Переводя с языка классики на язык ощущений — приятная на ощупь, на вкус, как сочный спелый фрукт или какая мягкая ворсистая ткань.

Не знаю, кто его шупал и гладил, жадно прислушиваясь, как реагирует организм. Внешне он не был таким уж отвратительным. Ну, бледная влажная кожа: такие на солнце сгорают мгновенно, они проводят дни в тени, намазавшись кефиром или какой новомодной мазью. У них есть книга или планшет, и мысль, которую они думают долго и трудно, словно у них в голове есть зубы, и они ее пережевывают.

Толстым он не был, хотя пухлым — пожалуй, особенно губы, в которых угадывалось что-то порочное. Но когда им был неприятен порок? Порок практиковался как средство выражения индивидуальности, не было необходимости даже тратить на него силы — важно обозначить, позиционировать, концептуализировать, создать ауру.

Вот эту самую ауру он и создавал, как шеф-повар свое главное блюдо, добавляя понемногу травки и специи. Движения несколько замедленны, зеленый шарф даже в жару (шепотом про ларингит), уложенные лаком волосы. Ботинки, правый и левый, разного цвета, из дорогого магазина, не помню.

И вот он входит, ступая важно, как верблюд, покачиваясь, и таки да, кругом будто пустыня, и он торжественно несет свою голову, глядя вдаль. Пустыня, хотя их много, и они расступаются, такое невольное движение — то ли уступить дорогу, то ли держаться подальше, каждый себе объясняет, как нравится.

А потом словно сбой кадра — все шумят, здороваются, кто-то и ему протягивает руку. Ведь здесь все свои, все всё правильно понимают, хоть иногда и хотят отгрызть друг другу головы, но это мелочь. И он уже варится в этом котле или варит, помешивая направо и налево, останавливаясь иногда, чтобы что-то кому-то шепнуть...

Но что затмевает и шарф, и ботинки, и бледную кожу — все это еще можно бы простить, — он иногда говорит то больное, скользкое, тысячу раз кем-то оплеванное, что никто из них, даже думая так, никогда не решится произнести вслух. И самое-самое неприятное, как ни крути, — то, что он прав.

ПЬЕСА ДЛЯ РОЯЛЯ, ДВУХ МАНЕКЕНОВ И КУРИЦЫ

Сцена оформлена черной тканью. Не нужно драпировки, все скромно. Просто фон, на котором все должно проявляться.

На задней стене экран, на нем проекция окна с открытой форточкой, качающаяся занавеска, за окном гипотетический город без узнаваемых черт. Без этих вот

черепичных крыш или Эйфелевых башен... Восточного колорита тоже не нужно. Цвет занавески? Что-то неброское, но цветное — голубой, изумрудный... В пастельных тонах.

Посередине черный рояль, клавиатура открыта, крышка рояля закрыта.

Музыкальное сопровождение — Алексей Айги и ансамбль «4'33"». Как хотите, так и договаривайтесь!

Выходит человек в черном трико, выносит два белых кресла. Ставит спинками к роялю, сиденьями в сторону зрителей, немного повернув друг к другу. Нет, не так, естественно ставьте, не нужно липовой симметрии!

С разных сторон сцены выходят два человека в черных трико. Каждый тащит на плече по голому манекену. Должно быть видно, что им тяжело. Покачнуться? Можно. Заботливо усаживают манекены в кресла. Оглядывают со всех сторон, поправляют, уходят.

Еще два человека в черном приносят одежду, каждый наряжает своего манекена, иногда отходя в сторону, как бы оценивая. Женский манекен в шляпке, в вязаной шали. Мужской — в одежде, напоминающей военную форму. Очень похожи на живых людей.

С одной стороны человек в черном выносит столик, с другой белый поднос с двумя чашками кофе. Запах кофе должен чувствоваться во всем зале. Если нужно, сварите ведро за кулисами и все время подогревайте! Сами договаривайтесь с пожарными! Обычную кофеварку, в конце концов, возьмите!

Да, вы поняли? Поднос белый, чашки белые, лица и руки манекенов белые...

Выдержать паузу. Только музыка. Манекены и зрители должны друг к другу привыкнуть.

Человек в белом трико выносит детский фотопортрет в рамке. Здесь балет, настоящий. Танец с портретом. После ставит портрет на столик, утанцовывает за кулисы. Музыка — *Penultimate dance* из последнего альбома Айги.

Выходят два человека в черных трико, разворачивают кресла с манекенами так, чтобы тем было удобнее смотреть на портрет.

Экран на задней стене становится ярче. Теперь уже не он фон, а наоборот. Слышны вдали звуки взрывов, видны всполохи ракет. Занавеска постепенно, очень постепенно из своего нежно-зеленого становится алой. Зритель не должен заметить, как это произошло, но увидеть результат! Ветер все сильнее, занавеска взлетает и падает.

Входят люди в черном. Теперь у них отчетливо видны белые лица и руки, такие же, как у манекенов. Они ходят по сцене и «сеют», разбрасывают зерна. В том числе на рояль. Жесты очень пластичны, но не танец. Уходят.

Человек в черном вносит белую курицу и опускает ее на крышку рояля. Курица клюет зерна.

Курицу перед спектаклем не кормить. Но без живодерства! Курица должна кушать с аппетитом. Побольше зерен высыпать на клавиши рояля, чтобы курица, наступая на клавиши, добавляла звуков.

Люди в черном постепенно уносят: манекены, кресла, поднос с кофе. Дольше всего стоит на столе портрет ребенка, но и его уносят.

Музыка — *Осто* из последнего альбома Айги.

Курица должна клевать зерно до тех пор, пока в зале не останется ни одного человека. Если зрители окажутся тупые и будут ждать традиционного финала, бросить немного зерна в зал и выпустить вторую курицу, через некоторое время третью...